

А. А.  
БЕСТУЖЕВ-  
МАРЛИНСКИЙ

*Сочинения*



Александр Александрович Бестужев-Марлинский

Замок Венден

(Отрывок из дневника гвардейского офицера)

Мая 23, 1821 года

Говорят, маршрут переменен и полк наш станет в Вендене.[1]

Итак, я увижу сей столичный город древнего ливонского рыцарства, искони знаменитый битвами, осадами, усеянный костями храбрых, запечатленный кровию основателя. Винно фон Рорбах, первый магистр Меченосного ордена, построил Венден, первый замок в Ливонии [2]. Любуясь величавыми его стенами, он не мыслил, что они скоро обратятся в его гроб; не думал, что трофеи побед станут свидетелями его смерти, и смерти бесславной.

Рыцари, воюя Лифляндию, покоряя дикарей, изобрели все, что повторили после того испанцы в Новом Свете на муку безоружного человечества. Смерть грозила упорным, унижительное рабство служило наградой покорности. Напрасно папы гремели проклятиями на хищников священных прав человечества[3], вотще напоминали крестоносцам их обет братской любви к побежденным, принявшим крещение, и кротости с обращаемыми в христианство; кровь невинных лилась под мечом воинов и под бичами владельцев. Вооружаясь за священную правду, рыцари действовали по видам алчного своекорыстия или зверской прихоти. Старшины Ордена примером своим вливали соревнование в подчиненных; жестокость служила правом к возвышению, и Рорбах недаром был магистром.

Однажды, в красный день осени, со стаей собак выехал он полевать в лугах и лесах соседних.

Людная дворня толпилась вокруг его: доезжачие[4], вооруженные копьями, скакали на литовских конях, с гордостью грызущих непривычное им железо мундштука германского; стремянные, с ножами за поясом, вели на смычках любимых собак господина, и старый ловчий с звонким рогом за спиною, на крымском жеребце[5], поодаль следовал за охотниками и каждому назначал место, когда гончие из острова выгонят зайца или поднимут серого волка или хитрую лисицу. Окрестным поселянам приказано было оставлять работы свои и спешить в лес, – чтобы криком выгонять робких его обитателей.

– Вассалы рыцаря Вигберта фон Серрата не слушают твоих приказаний! – сказали магистру его посланцы, и магистр закипел гневом, поскакал к ослушникам, и бичи засвистели над их головами.

– Остановись, Рорбах! – вскричал Вигберт, приближаясь к магистру. – Остановись! Я не велел им тебя слушаться.

– Тем хуже для тебя, Серрат!

– Но тем страннее, что ты наказываешь их за повиновение их владельцу.

– Фон Вигберт, кажется, не в шутку вступается за этих бездельников.

– Для меня нет там шуток, где страждет человечество. Неужто для одного наружного украшения начертали мы кровавый крест на груди своей? Крест – символ благодати и терпения?

– Терпения – для вассалов? Эти получеловеки служат, покуда у них рогатки на шее и страх над головою!

Коротко и ясно, Вигберт, не у тебя первого, не у тебя последнего я это делаю: повинуйся...

– Другие мне не указ. Пусть они подражают тебе, пусть тебя превосходят; я ставлю в честь быть защитником моих вассалов и не поущу угнетать их никому, ни для чего. Одному удивляюсь, магистр, что ты, избранный нами в блюстители правосудия, нарушаешь все его законы!

– Рыцарь! я не прошу твоих советов, не хочу слушать выговоров; но ты обязан слушаться приказов магистра.

– Верю, магистр, что ты не охотник до правды; но терпенье мое вырвалось из границ. Я молчал, когда ты тенетил[6] серн в рощах моих, на моих заповедных лугах травил зайцев; но теперь, когда бог дает селянам погоду, а ты отрываешь руки от бесценного труда, когда топчешь конями хлеб, орошенный кровавым потом, когда, наконец, казнишь подданных за послушание к власти, я должен был высказать, что сказал.

– А я сделаю, что делал. Рыцарь фон Серрат! властью магистра приказываю тебе послать вассалов своих, куда мне вздумается.

– Рорбах! Винно фон Рорбах! вспомни, что ты говоришь? Для того ль облечен ты властью, чтоб употреблять ее на смех? Магистр Меченосного ордена посылает – гонять зайцев!!

– Дерзкий! ты забываешься. Последний раз говорю тебе: повинуйся!

– Требуя излишнего, ты потерял должное; не повинуюсь.

– Возмутитель, бунтовщик! или не узнаешь во мне магистра?

– Не узнаю, привыкши видеть магистров на поле ратном или в суде правды – не с арапниками, не в разбое.

– Я только жалею, что она кроет человека, который должен напоминать о своем сане, забывая свой долг. Вижу в ней достоинство Ордена и не вижу в тебе чести рыцарской...

– Презренная тварь! благодари судьбу, что со мною нет меча моего...

– Малодушный хвастун! хвались храбростию перед эстами, разгоняемыми звуком шпор; но мое стремя не дрожало в боях, копьё не опиралось на крюк[7] в турнирах, между тем как седло твое часто холодело без тебя, поверженного в пыли...

Магистр не мог снести последнего укора.

– Подлец! – вскричал он в запальчивости, – за твою дерзость, за твои мнения ты стоишь рабского наказания. – С сим словом он ударил бичом безоружного Вигберта.

Вне себя, окаменев, скрежеща зубами от гнева, стоял Серрат; и магистр был уже далеко, когда чувства исступления излились в клятвах и угрозах.

Вот письмо, написанное им к магистру рукою капеллана:[8]

Благородный рыцарь Вигберт фон Серрат к Рорбаху.

Обида моя требует крови, и я повергаю перчатку к ногам обидчика. Пусть огромен щит Рорбаха, зато не короток и меч мой. Берегись отвергнуть бой честный: кто обижает и не дает ответа копьем, тот стоит смерти разбойника. В случае отказа – клянусь честью рыцарскою – последняя капля крови Рорбахов застынет на моем кинжале.

Магистр отвечал следующим:

Магистр Ливонского меченосного ордена, наместник Рижского епископа и владелец многих замков, Видно Родольф фон Рорбах Вигберту.

Мне низко нагибаться за твоей перчаткой. Щит отцов моих широк не из робости, но для герба, который чистили твои предки; а мечами разве тогда мы померяемся, когда петля, тебя ожидающая, станет почетнее золотой магистерской цепи. Поезжай лучше, Серрат, в Литву, искать по себе сопротивников; там, говорят, за битого дают двух небитых. Что ж до угроз твоих, они мне забавны. Я слишком презираю тебя, чтобы страшиться.

Венден:

– Ты произнес свой приговор, презрев суд божий благословенным оружием[9], – сказал Серрат, и последняя слеза до сих пор невинной совести канула на убийственное лезвие кинжала.

День навечере, солнце тихо садится, и лучи его, как бы нехотя, меркнут в цветном зеркале окон венденских. Зарево гаснет, – угасло, и холодный туман уже встретился с мраком востока.

Ужин в замке окончился: тяжелый стакан празден, и магистр, как домовод, на дубовых креслах, среди кубасов[10], вооруженных хвостатыми бичами, отбирает отчет дневной работы, назначает утреннюю, распределяет кары. Угрозы его вторятся готическими сводами и заставляют трепетать подобострастных вассалов. Наконец патер возвышает голос вечерней молитвы, и все домашние на коленах читают за ним «Gredo»[11] и «Ave Maria»[12]. Земные поклоны заключают молитву; каждый целует распятие, и вот огни замелькали по коридорам, голоса едва перешептываются с отголосками; но скоро умолкает самый шелест шагов, и мертвый сон воцарился повсюду.

Золоторогий месяц едва светит сквозь облако; дремлющий лес не шелохнет, и черная тень башен недвижно лежит на поверхности вод. Изредка дуновенье вспорхнувшего ветерка струит складки знамени гермейстерского, и, ниспав, они снова объемлют древко. Одно мерное брэнчанье палаша часового раздастся по степам замка. То, опершись на копье, он погружает наблюдательные взоры свои в темную даль, – то, в мечтах об оставленной родине, о далекой невесте, напевает старинную песню. Он поет:

О звуки грустные, летите

К моей красавице Бригите!

Давно меня мой добрый конь

Умчал дорогою чужою;  
Но не погас любви огонь  
Под тяжелой броней стальной.  
А ты, в родимой стороне,  
Верна иль изменила мне?

В походах дальних, на пирах,  
Опершись в боевое стремя,  
Ты мне казалась в мечтах:  
Я вспоминал былое время  
Наяве с милой и во сне;  
А ты грустишь ли обо мне?  
За честь твоих, Бригита, глаз  
Не первый ланец изломался,  
И за тебя твой шарф не раз  
Моею кровью орошался.  
А ты, в далекой стороне,  
Готовишь ли награду мне?  
Богатый изумруд сверкал  
На нежной шее девы пленной, –  
Я для тебя его сорвал  
Рукой любви неизменной.  
Для золота, для красоты,  
Ужель мне изменила ты?  
Я видел смерть невдалеке:  
На камнях Сирии печальной  
Мой конь споткнулся – и в руке  
Меч разлетелся, как хрустальной,  
Булат убийственный блистал,

Но я Бригиту призывал!

А ты?..

Блудящий огонь по болоту приводит его в суеверный страх, и он, стыдясь боязни своей, закутывается в плащ, будто проникнутый холодом.

Но чья тень мелькает в парах, изменяющих току реки в глуши дикого леса? Не привидение ли то, страж клада князей Герсики[13], погибших в дебрях? Или то мстительный вайделот[14] исторгается в час полуночи для призвания чарами адских духов на сгубу пришельцев – разрушителей Перкуна[15]? Но грудь его не обвешана волшебными кольцами, одежда не сходствует с одеждою эстов; его огромный стан покрыт синею германскою епанчою.[16]

Может быть, то запоздалый охотник спешит к очагу, где розовый пламень крутится вокруг кипящего котла; но где ж его стрелы? где его чуткие псы?

Нет, это не запоздалый стрелец.

Он не ищет, но крадется сам, тихо ступая по хрупкому листу. По яростным взорам, вырывающимся из-под бровей, скорее можно принять его за разбойника, замышляющего грабеж; но латами вытертый колет из замши, рыцарский воротник видны под епанчою, и бляхи железной перчатки сверкают, когда он разводит ветки, преграждающие путь.

Так, это рыцарь, хотя шпоры не гремят на полусапожках его и перья не волнуются над головою.

Уже неизвестный рыцарь на краю рва, – он измеряет взором преграды, – и я узнаю в нем фон Серрата.

«Высоки стены твои, Рорбах! – мыслит он, – но выше их решимость человеческая; широки рвы замка, но крылат вымысел мести; число твоей стражи велико – тем больше ее беспечность».

Серрат вяжет и повергает несколько снопов в воду. С отвагой в душе, под кровом туманов, плывет он по дремлющей глуби, уже готов схватиться за решетку отдушины; но скользкий плот изменяет, рыцарь погружается в воду... Дикая утка, испуганная шумом, с криком улетает прочь, и страж, внемля свисту крыл ее, не дивится, что ему почудился плеск волны.

Но рыцарь выплыл, и, вонзая кинжал в пазы, уже взбирается на стену, лепится по неровностям камней, и вот висит под верхним поясом. Силы ему изменяют, нога скользит, еще миг – и он оборвется; но он уже наверху.

Проснись, Рорбах, или час твой близок! Ужели не слышишь крика ласточки над окном твоим? не слышишь граяния ворон, тучей поднявшихся с башен замка?

Нет! пагубный сон теснит магистра в объятиях. Оконницы вырваны с петель, холодный воздух свеваает пыль с завесы, и пламя лампы трепещет, шаги убийцы звучат, – но он спит, и железная перчатка Вигберта упала на плечо его прежде, чем открыл он глаза свои; открыл – и веки, будто свинцовые, снова закрылись. В волнении ужаса и надежды ему кажется бледное лицо Серрата будто в сновидении или в мечте; но зловещий голос, как звук судной трубы, возбудил и омертвил его разом.

– Мщение и смерть магистру! – прогремел Серрат, стаскивая его с постели. – Смерть,

достойная жизни! Напрасно блуждаешь ты взорами окрест – помощь далека от тебя, как от меня сострадание. Отчего ж трепещешь ты, подлый обидчик, воин среди поселян, бесстрашный с своим капелланом? Для чего пресмыкаешься, гордец, перед врагом презренным? Меня не смягчат твои просьбы, не поколеблют угрозы, – ты не вымолишь прощения! Да и стоит ли его тот, кто дважды лишил меня чести, а детей моих – доброго имени. Пусть я умру на плахе убийцею; зато щит мой не задернется бесчестным флером на турнирах и мой сын, не краснея за трусость отца, поднимет наличник для получения награды. Ты презрел вызов мой, не хотел честно преломить копья с обиженным, – узнай же, как платит за обиды Серрат!

С сим словом ринулся он на магистра; но отчаяние загло в нем мужество, и ужасный вопль огласил своды.

Смело схватил он грозящее лезвие и сдавил Серрата мощными руками. Цепеня от ярости, грудь на груди смертельного врага, рыцари душат друг друга. Мечь воспламеняет Вигберта, страх смерти сугубит силы магистра, – они крутятся, скользят и падают оба! Идут, идут спасители – оружие гремит, крики их раздаются по коридорам; с треском упали двери, воины магистра с мечами и факелами ворвались в комнату... но уже поздно!

Кровь Рорбаха оросила помост – преступление свершилось!

Не стало магистра, но власть его осталась, и самосудный убийца, растерзанный муками, погиб на колесе.[17]

Ненавижу в Серрате злодея; но могу ли вовсе отказать в сострадании несчастному, увлеченному духом варварского времени, силою овладевшего им отчаяния?..

## Примечания

1

Замок Венден (Цесис, в русской летописи известен как Кесь) – город в 90 км к северо-востоку от Риги. Основан в XIII в.; служил резиденцией орденского гермейстерства (1201 г.). В 1557 г.. во время штурма войсками Ивана Грозного, был взорван осажденными.

2

Кроме Вендена, построенного в 1204 году, он выстроил замки Сегевольд и Атераден. (Примеч. автора.)

3

Папы Иннокентий III, Григорий IX и Александр III настаивали, чтобы новообращенные христиане не были угнетаемы под игом суровейшего рабства, ставившего их наряду с животными бессловесными; но сии благородные усилия остались бесплодны. (Примеч. автора.)

4

Доезжачий – старший псарь.

5

Рыцари покупали коней наиболее у литовцев, а сии, имея стычки с крымцами, могли доставать лошадей крымской породы, особенно уважаемых за быструю скачку. (Примеч. автора.)

6

Тенетить – ловить в тенета (обл.), сети для ловли зверей.

7

Под правым плечом рыцарской кирасы приделывался железный крючок, на который, для твердости в руке, упирали рыцари средину ланца, взявши его наперевес (en arret). (Примеч. автора.)

8

Редкие из рыцарей умели грамоте, и домовые капелланы исправляли у них должность секретарей. (Примеч. автора.)

9

Так мыслили в те варварские, непросвещенные времена. Всякая распря, всякая обида решалась оружием, и победитель считался оправданным самим судьей небесным. (Примеч. автора.)



10

Кубиас – староста. (Примеч. автора.)

11

«Верую» (лат.)

12

«Хвала тебе, Мария» (лат.)

13

Альберт сжег Герсику в 1208 году. Всеволод, князь оной, спасся бегством; многие из приближенных к нему последовали ему и, вероятно, погибли в лесах придвипских, вместе с унесенными сокровищами. Народное ж мнение, будто над кладами блуждают привидения, живет и до сих пор. (Примеч. автора.)

14

Вайделоты – жрецы и вместе волхвы эстонские. (Примеч. автора.)

15

Перкун – главный языческий бог у литовцев и латышей.

16

Епанча – одежда в виде широкого и длинного плаща.

Описанное здесь происшествие случилось в 1208 году. Смотри первый том Истории Арндта. (Примеч. автора.) Имеется в виду первая часть «Лифляндской хроники» И. – Г. Арндта (1769—1860). У Арндта есть и собственно исторические произведения, напр.. «История крепостного права в Померании...» (1803).